

Н. А. Хренов¹**ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ КОНТАКТЫ В ПРЕДШЕСТВУЮЩЕЙ ИСТОРИИ
КАК УСЛОВИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В ЕГО АКТУАЛЬНЫХ ФОРМАХ**

Если не затрагивать универсальные формы контактов между цивилизациями, то выводы, касающиеся диалога между культурами в его актуальных формах, будут неполными и поверхностными. Одним из таких универсальных и по-прежнему много определяющих контактов в истории человечества является контакт между восточным миром, с одной стороны, и античным, а затем и западным — с другой. Нельзя считать, что этот универсальный контакт разворачивается в истории бесконфликтно. Наоборот, и раньше, и в наше время он весьма конфликтен. Вопрос о диалоге между культурами, как он обсуждается в России, представляя темой отечественного философствования, с эпохи Петра Великого сводится к диалогу России с Западом. Но включенность диалога этого типа в универсальные взаимодействия, то есть в контекст отношений между Западом и Востоком, обычно не принимается во внимание. Именно поэтому значимые аспекты даже диалога между Россией и Западом остаются невыявленными.

Вопрос о необходимости новой постановки вопроса о диалоге России с другими культурами и, прежде всего, с Западом стал острым еще на рубеже XIX–XX веков, о чем свидетельствуют некоторые явления

¹ Заместитель директора по научной работе, заведующий отделом теории искусства Государственного института искусствознания, профессор кафедры эстетики, истории и теории культуры Всероссийского государственного университета кинематографии им. С. А. Герасимова, доктор философских наук. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. книг: «Мифология досуга», «Человек играющий» в русской культуре», «Кино: реабилитация архетипической реальности», «Зрелища в эпоху восстания масс», «Воля к сакральному», «Культура в эпоху социального хаоса», «Русский Протей», «Образы великого разрыва. Кино в контексте смены культурных циклов», «Социально-психологические аспекты взаимодействия искусства и публики», «Публика в истории культуры. Феномен публики в ракурсе психологии масс», «Социальная психология искусства: переходная эпоха» и др. Председатель Комиссии междисциплинарного изучения художественной деятельности при Научном совете Российской академии наук «История мировой культуры», член Союза кинематографистов России, член Союза театральных деятелей России, член Общественного совета по гуманитарным наукам при Комитете по образованию и науке Государственной Думы Российской Федерации, член научной коллегии Научно-образовательного культурологического общества России.

отечественного искусства и философии. Однако вопрос об актуальности темы Востока в русском искусстве и философии нельзя считать специфически российским. Актуальность темы Востока в это время есть следствие отношений не только между Россией и Востоком, но и Западом и Востоком.

Западный мир справедливо считает себя наследником и продолжателем античной цивилизации, ценности которой хотя и воспринимались критически, например в Средние века, позднее, в эпоху Ренессанса, как известно, были реабилитированы. Что же касается античной цивилизации, то ее уникальность, усвоенная Западом, заключается в обособлении, отрыве от Востока. От безличной стихии к открытию и утверждению личного начала. На протяжении последующей истории всегда существовала опасность утратить самостоятельность и раствориться в той стихии, от которой удалось оторваться (эта мысль была сформулирована К. Ясперсом). Но растворения в восточном мире не случилось, как известно, ни в эллинистическом мире, в эпоху Древнего Рима, когда влияние Востока оказалось весьма активным, ни тем более в последующую эпоху цветущей сложности Запада. Не только эпоха Ренессанса, но в еще большей степени эпоха модерна (начавшаяся с Просвещения) это исключала.

Положение изменяется к началу XX века в связи с тем, что со времен Шпенглера обозначается как кризис европоцентризма. Было осознано, что понятие цивилизации не исчерпывается ценностями лишь западной цивилизации. Цивилизаций много, и западная — одна из многих. Когда возникает кризис европоцентризма, Восток снова активизируется. Начиная с XIX века Запад активно ассимилирует Восток. Для XX века это становится одной из актуальных проблем. Но что под этим скрывается? Или Запад пытается оздоровить свою культуру, ассимилируя Восток, или это свидетельствует о начале того растворения в Востоке, которого Запад всегда опасался. Размышляя над этими вопросами, К. Ясперс говорит: «Можно ли предположить, что Европа вновь вернется к Азии, потеряв свои специфические черты? Потонет в ее глу-

бинах и ее бессознательном нивелировании?»¹ Так поставленный вопрос имеет отношение не только к Западу, но и к России, которую мы мыслим входящей в европейский мир.

Россия — одна из тех стран, которая в последние столетия развивалась в соответствии с ориентациями европеизма. Но в этой культуре европеизм был не единственным, а лишь поздним ее уровнем, ставшим сознанием России. Бессознательное же России сформировано византийскими и еще более древними — восточными традициями. Россия демонстрировала себя на уровне сознания западной державой, но на уровне подсознания она представляла более сложный цивилизационный организм.

Когда предшественник Шпенглера Н. Данилевский говорил, что Запад никогда не доверял России в силу ее сохраняющейся самостоятельности, то он не учитывал еще одного аспекта, способного быть аргументом в пользу такого утверждения. Стараясь сохранить свою самостоятельность, Запад исключал возвращение в восточный мир, растворение в нем. В соответствии с этим стремлением он не доверял и не мог доверять России полностью, потому что Россия продолжает оставаться двуликим Янусом. Следовательно, Россия воспринималась слабым звеном в противостоянии Запада и Востока. Растворение Запада в восточном мире могло начаться с России. В этом и была причина сложностей, возникших в установлении диалога между Россией и Западом.

То, что Россия представляет собой часть Востока, превосходно показали философы и историки-евразийцы — Вернадский, Трубецкой, Савицкий, Карсавин, Флоровский и др. Именно им принадлежит наиболее острая постановка вопроса о том, что судьба России связана не с Западом, а с Востоком. Так, например, Вернадский показал, что исторический процесс стихийен. Он приводится в движение глубоко заложенными в нем и не зависящими от воли людей силами. На территории Евразии развитие этой стихии имело несколько циклов. В основе каждого такого цикла оказывается очередная попытка вызвать к жизни государство, способное объединять многие этносы и народы, достичь единства евразийского мира. Первая такая попытка связана с возникновением Скифской империи, в составе которой были и славяне. За ней следовали Гуннская и Монгольская империи, куда входили славяне. Четвертая попытка достичь единства евразийского мира связана с историей российской империи, сохраняющей связи с Востоком и включающей множество этносов, не имеющих отношения к христианскому миру. Вот почему русских часто называют скифами. Распад этого четвертого цивилизационного организма как очередной формы объединения евразийских этносов произошел на рубеже XIX–XX веков, в период, когда Россия оказалась в фазе надлома и распада, а русская культура переживала ренессанс. Согласно евразийцам, Российскую империю тоже необходимо полагать частью Евразии, ибо ритмы Евразии продолжают определять и более поздние образования, кажущиеся самостоятельными и прозападными. До рубежа XIX–XX веков это обстоятельство

не учитывалось. Россия воспринималась лишь как слагаемое западного мира. То, что Россия — часть Евразии, было забыто, вытеснено в подсознание. Связь России с Востоком и суть России как Востока оказались содержанием подсознания России.

В качестве доказательства к этому положению можно вспомнить реакцию критики на изданный во Франции в конце XIX века роман Л. Толстого «Война и мир». Как выразился один из критиков, в русских течет «восточная кровь», а это значит, что индивидуальная воля уступает место воле коллективной. Описывая состояние души Пьера Безухова, критик вспоминает о буддийской нирване. Все эти черты психологии русских критик считает чуждыми Западу. Что особенно обращает на себя внимание в этой реакции критика, так это то, что русских он называет скифами. Вывод такой: скиф нависает над миром Запада и желает его переделать. В том, что русских называют скифами, какая-то правда есть. В славянском этносе иранская (скифская) кровь имеется. Историк-евразиец Вернадский констатирует: историческая подпочва русского государства была создана скифами². Тема скифства России приобретает особую значимость в связи с мыслью К. Ясперса по поводу того, что разгадка настоящего и будущего связана с тем, что произошло в доистории, в доосеовое время. Кризис европоцентризма стал причиной того, что бессознательное России, то есть Восток, активизировалось, а то, что было в этой культуре сознанием, то есть европеизм, вытеснялось на периферию. Так, Восток стал для России весьма актуальной темой. Это произошло на рубеже XIX–XX веков и продолжается до сих пор.

Стихотворение А. Блока «Скифы», написанное в 1918 году, можно прочитать как прямой ответ вышеупомянутому критику, обнаружившему в русских скифов. Поэт тоже фиксирует в русских преобладание коллективного начала, и то, что для французского ценителя представало отрицательным, у него оказывается положительным. Да, говорит Блок, мы, русские — скифы. При этом скифство, азиатство отождествляется с «тьмой», то есть с чем-то таким, что существует «до истории», или, по К. Ясперсу, до возникновения осеового времени как важной исторической вехи, облагородившей «тьму» с помощью возникновения религиозных и философских идей, новой нравственности, в чем, собственно, и заключается смысл осеового времени.

Много раз повторенное слово «тьма» означает что-то вроде муравейника, некое нерасчлененное множество, в котором оказались спящими человеческие особи, не успевшие обрести индивидуальность, как способен вообразить мало знакомый с существом дела европеец. Ведь, как доказывает К. Ясперс, осеовое время коснулось и Востока. Осеовое время представлено не только Христом, но также Лао-цзы и Конфуцием. Видимо, эта «тьма» касается тех лишенных человеческой индивидуальности орд, которые в историю вместе с осевым временем так и не могли войти и, следовательно, безвозвратно исчезли. Эта ситуация испуга перед неизвестным, а потому страшным, как раз и по-

¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 91.

² Вернадский Г. Начертание русской истории. М., 2004. С. 29.

рождает страх европейца, провоцируя и отталкивание и в то же время притяжение.

В данном стихотворении Блок придерживается еще традиционной для русской историографии позиции. Россию он представляет спасителем Запада от возможного столкновения с восточным миром, которое могло быть для Запада весьма трагическим, то есть от поглощения Запада Востоком. Традиционная историография гласит: если бы не Русь, то пасть бы Западу под натиском степных народов. Не смог бы Запад сдержат монгольский напор и растворился бы в том мире, откуда еще в эпоху Античности вышел, то есть в Востоке. В этом случае исчезла бы та самая самостоятельность, которая была великим завоеванием античного, а затем и европейского мира.

Но поэт предупреждает, что в истории возможна и иная ситуация, когда Русь может предстать отнюдь не в образе спасителя. Это уже не только Русь или Россия, а некое единство, в которое входит и Россия, то есть Восток, или, еще точнее, скифство, выступающее символом Востока. В данном случае, ощущая в порыве творческого экстаза общность России и восточного мира, Блок как бы предвосхищает более поздние идеи, которые вызовут к жизни евразийцы, рассматривающие историю России как часть общей евразийской стихии.

Было бы неверно тему Востока сводить исключительно к этой стороне дела. У других мыслителей и художников имеет место подчеркивание принадлежности России прежде всего к христианскому миру и, следовательно, к Западу. Эта принадлежность обостряется в связи с восточной темой. Осознание возможного столкновения вселяет страх перед Востоком. Этот страх был свойствен другому русскому поэту, которого больше знают как философа, В. Соловьеву. Стихотворению Блока «Скифы» предпослан эпиграф из стихотворения Соловьева 1894 года: «Панмонголизм! Хоть имя дико, / Но мне ласкает слух оно». Как и Блок, Соловьев всячески подчеркивает мысль о враждебности безликого Востока. Для него Восток — «рой пробудившихся племен», «народ безвестный и чужой» и опять же, как потом будет у Блока, «тьмы полков».

Но почему Восток, «безвестный и чужой», надвигается на Русь? По мнению поэта, это возмездие, расплата за то, что христианский, а в данном случае русский мир забыл «завет любви», то есть христианский идеал. Однажды это уже произошло в Византии. Все в мире связано. Когда «остыл божественный алтарь» в Риме втором, это спровоцировало «рой пробудившихся племен» на Востоке, что привело к его падению. Но забвение «завета любви» может привести и к падению Рима третьего, то есть Руси.

Соловьева нельзя упрекнуть в антизападничестве. Наоборот, страх перед Востоком объясняется возникшей в его сознании возможностью исчезновения христианского мира, объединяющего Россию с Западом. Философ пророчит столкновение с Западом, в результате которого ценности, вызванные к жизни христианством, и в частности личностное начало, исчезнут.

Итак, в русском искусстве и русской философской мысли мы обнаруживаем и восторженное, и пессими-

стическое восприятие Востока. А что же мы вкладываем в это понятие — Восток? Подразумевается ли в данном случае под Востоком исламский мир, Китай, Индия, а также склонная присоединять себя в это время к этому миру Россия? В этом вопросе помогает разобраться другой русский мыслитель Л. Карсавин. Размышляя о расширении в России моды на Восток, под ним Карсавин склонен понимать все, что в христианский культурный мир не входит. В таком понимании Востока географические границы отступают на второй план. Все разнообразие человечества Карсавин сводит к двум мирам. По его мнению, именно в христианском мире имел место синтез эллинизма, иудейства и восточных религий с религиозностью Запада. Что же касается Востока, то это — земли ислама, буддийской культуры, индуизма, даосизма, древних натуралистических культов эллинской, римской и варварских религий¹.

Таким образом, уже в России рубежа XIX–XX веков мы имеем две разные позиции по отношению к Востоку. Но с тех пор прошло столетие. Какая же из этих позиций с точки зрения сегодняшнего дня оказалась более жизнеспособной? В длительной смуте как следствии кризиса европоцентризма было бы разумно абстрагироваться от стихийных настроений и обратить внимание на реальность развертывающегося в истории культурного синтеза. И, прежде всего, культурного синтеза между Западом и Востоком.

В истории, которая есть история разных цивилизаций, этот культурный синтез никогда не прекращался. Восточная стихия всегда была его слагаемым. Это имело место даже в античном мире, который стремился обрести самостоятельность относительно Востока. Конечно, мировосприятие модерна исключало активность восточной стихии. Но именно модерн в начале XX века спровоцировал оппозицию в форме романтизма. И если модерн исключал Восток, то романтизм его реабилитировал. Наиболее яркой страницей нового и более глубокого отношения к Востоку стал под воздействием романтических настроений «Западно-восточный диван» Гёте и комментарии к нему, в которых Гёте призывал отказаться от поверхностного экзотизма и углубиться в постижение духовных миров Востока. Эта романтическая традиция оказала колоссальное влияние на русское искусство XIX века. Об этом свидетельствует творчество Пушкина, Лермонтова, Толстого и др.

Позднее активизировавшаяся на рубеже XIX–XX веков в символизме традиция романтизма предполагала и активное отношение к Востоку. Однако в XX веке идеи модерна оказались сильнее традиции романтизма. Романтическая традиция в русском искусстве снова возрождается лишь в эпоху оттепели, то есть с середины 1950-х годов. Однако что касается рубежа XIX–XX веков, то понятно, почему символисты, ставящие своей целью разрушение существующей культуры и создание новой, так зачитывались А. Шопенгауэром, а затем погружались в изречения Лао-цзы и Конфуция. Все это уже тогда способствовало развернувшемуся глубочайшему культурному синтезу в русской культуре.

¹ Карсавин Л. Восток, Запад и русская идея. СПб., 1922. С. 17.